

на море. Долго ихъ носило по морю; сынъ и говорить: „мамонька, мамонька, я потянусь?“ — „Нѣтъ, дите мое милое, не тянись: потонемъ“, а онъ опять просить потянуться, и не утерпѣлъ — потянулся, бочка разсыпалась, и они очутились на островкѣ. На островкѣ нашлась избушка, и они остались въ ней жить. Однажды мальчикъ ходитъ по острову и видитъ, что ѣдутъ заморскіе купцы, а мать ему и говорить: „зови ихъ, дитятко, и скажи: заморскіе гости, заѣзжайте къ намъ въ гости, у насъ каша крутая, горохъ крупной“. Онъ позвалъ, и гости заѣхали. Съѣхали домой и рассказываютъ Ивану царевичу, что на одномъ пустомъ островѣ одна вдова обселяется, и они хорошо у нея отгостили, а мать Ивана царевича и говорить: „это что за диво, а у насъ на дворцѣ есть елка, а на елкѣ собачка, а собачка грызетъ орѣшки, а орѣшки то непростые, а золотые“. Онъ опять за море здобляется и имѣніе носитъ на корабль и пріѣзжаетъ на тотъ островъ, а мальчикъ машетъ картузомъ и кричитъ: „заѣзжайте, заморскіе гости, къ намъ въ гости, у насъ каша пшѣнна, горохъ крупной, рыба снятки, булка бѣла“. Какъ мальчикъ картузъ-то снялъ, а Иванъ царевичъ и видитъ во лбу свѣтелъ мѣсяцъ и призналъ въ немъ своего сына. Пришелъ къ нимъ и сталъ разпрашивать, какъ они сюда попали, а они и говорятъ, что и сами не знаютъ, какъ они сюда попали. Онъ имъ упалъ въ ноги и сталъ просить прощенія, они его простили. Затѣмъ стали поживать счастливо.

Череповецкій у., д. Вузакова Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Аксиньи Юдиной. 1900 г.

97. Водяной и его дочь.

Вотъ какая старинка ходитъ въ нашемъ селѣ за правду. Было это гораздо давно; одинъ сельскій мужичекъ ходилъ гдѣ-то далеко на заработкахъ и захотѣлось ему у одного озера напиться нападкой, навалился онъ къ водѣ, вдругъ кто-то его и схватилъ за бороду да и не отпускаетъ. Онъ говоритъ: „отпусти“, а изъ воды слышится: „откажись отъ того, чего дома не знаешь, такъ отпущу“. — „Ладно“, говоритъ мужичекъ.

Приходитъ домой, а тамъ у него родился сынъ; онъ женѣ и сказалъ: „я сына отсулилъ, а не знаю кому“. Отецъ пожилъ немного и померъ. Мать сыну не внушаетъ, а сама всё плачетъ; потомъ ужъ онъ выросъ большой, выучился, а мать всё плачетъ объ немъ; онъ спрашиваетъ: „объ чемъ ты все плачешь?“ Она ему и рассказала. „Ну, коли такъ, теперь я пойду искать того, кому вы меня отсулили“. Ну, онъ пошелъ къ тому же озеру; нашелъ у озера хижину, а въ ней женщина ему и сказала: „я обо всемъ хорошо знаю, а сестра моя еще лучше знаетъ, иди къ ней“. До той сестры дошелъ — она и говоритъ: „сегодня день пасмурный, а ты пока поживи, поработай у меня и дождись красного дня, тогда на озеро выдутъ двѣ уточки купаться, у одной изъ нихъ пуговицы на задницѣ, съ нея ты и сохить одежду“. Въ красный день онъ спрятался за кустикъ, являются двѣ утки, стряхнули съ себя перья и очутились въ однихъ рубашкахъ — дѣвушками, сняли рубашки и начали купаться, онъ и сохитилъ у одной рубашку. Они выкупались, нужно одѣваться, а одежды-то и нѣту, одна и закричала: „ой, дѣва, кормилица, какъ я къ тятенькѣ подъявлюсь?“ а потомъ: „кто спряталъ одежду, если старый старичекъ, то будь мнѣ дѣдушко, пожилой мужичекъ — будь мнѣ дядюшка, а если молодой дѣтinka, то пусть мнѣ суженый-ряженный будешь“. — „Пусть будетъ такъ, на вотъ тебѣ одежда“. „Такъ пойдемъ, молодецъ, къ моему батюшкѣ“ — „Вотъ, тятя, онъ далъ мнѣ одежду, а я дала слово выйти за него замужъ“. — „Ну, такъ дала, такъ и ступай отъ меня прочь и исполняй его“. Молодецъ повелъ ее къ своему дому, они шли, шли да и приустали, дочь водяного и говоритъ: „ой, Ваня, я приустала, разкинь бѣлый шатрикъ, давай поотдохнемъ“. — „Ну, невѣста, ты посиди въ этомъ шатрикѣ, а я пойду у мамы доложусь“. Онъ сошелъ домой, а мать и говоритъ: „ступай къ дьячнкѣ, сватайся, у нея три дочьки, а то гдѣ ты тамъ нашелъ невѣсту какую-то дальнюю“, — просто не велитъ ему брать. Невѣста въ шатрѣ ждетъ, пождетъ, нѣтъ се жениха. Вдругъ приходитъ за водой первая дьячкова дочь, размахнула ведромъ и говоритъ: „ой! я эдакая хорошая, эдакая пригожая, не буду воду носить“, вынула ведро изъ родника да хлесь о землю, приходитъ домой, а матка и спрашиваетъ: „что безъ воды?“ — „Ведро сломалось, ма-

менька“. — „Эдакая ты неумѣха“. Двѣ другія сестры тоже возгордились своей красотой и такъ же ловко обманули мать и не принесли воды. Сама мать дьячиха прибѣжала за водой съ рученькой, а невѣста — дочь водянаго и говоритъ: „давай, бабушинька, я принесу воды: у тебя дочьки-то хорошія и пригожія — такъ ихъ за хорошихъ и оберутъ, а я тебѣ буду работать да ковры вышивать“. Она ее взяла, привела домой и посадила на печь да и завѣсила занавѣсьемъ. Токо такъ и сваты накрыли къ ея дочькамъ. Она сидитъ на печькѣ, а у печьки идетъ стряпня для гостей, она и проситъ тѣстечка у дьячихи, она и дала ей. Она изъ этаго тѣстечка и сдѣлала голубка да голубку; они выбѣжали на грядку да и кричатъ: „голубь-голубчикъ, забылъ свою голубку въ бѣломъ шатрѣ, въ чистомъ полѣ — Марью Юдишну“. Дьячиха живо подбѣжала да сковородникомъ стукнула о грядку — они убрались по своимъ мѣстамъ. Она еще сдѣлала голубка до голубку; они опять выбѣжали да прокричали тѣ же слова. Потомъ она открыла запавѣску и показала своему жениху съ печи, онъ словно ото сна пробудился да и говоритъ: „вотъ моя суженая, вотъ моя ряженая“. Да потомъ и обвѣнчался съ ней. А дьячихѣ-то было не любо, да что подѣлаешь.

Череновецкій у., д. Бузакова Дмитріевской вол. Отъ кр-ки Аксѣи Юдиной. 1900 г.

98. Сказаніе о томъ, какъ мужикъ съ Николлѣй путешествовали и что они видѣли.

Было это не очень давно, да и не очень отъ насъ близко. Жилъ мужикъ, по имени Фалалей. Онъ былъ не особенно богатъ, да и не бѣденъ; не очень старъ, да не молодъ, не очень уменъ, да и неглупый. А такой хитрый, что если что увидитъ, то все ему объясни да Расскажи. Захотѣлось ему узнать, долго-ли онъ проживетъ на этомъ свѣтѣ, каково ему будетъ послѣ смерти. И сталъ просить св. Николая Чудотворца, чтобы тотъ ему открылъ и показалъ будущее. Разъ ему и было такое видѣніе: является въ свѣтлыхъ ризахъ старецъ и говоритъ: „пойдемъ, покажу я тебѣ твою будущую жизнь и мѣсто, тебѣ уготованное“. Пошли. Долго